

На правах рукописи

Шмыкова Мария Леонидовна

**Идеологическое обоснование великокняжеской и царской
власти в России в конце XV – XVII вв.**

Специальность 07.00.02 – отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Ижевск 2006

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет».

Научный руководитель: кандидат исторических наук
Пузанов Виктор Владимирович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук
Петров Алексей Владимирович
кандидат исторических наук
Никонов Сергей Александрович

Ведущая организация – ГОУ ВПО «Челябинский государственный университет».

Защита состоится «29» ноября 2006 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.275.01 при ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, кор. 2, ауд. _____.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, кор. 2.

Автореферат разослан « » октября 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
к.и.н., доцент

Г.Н. Журавлева

Общая характеристика работы

Актуальность темы. Изучение идеологии является одной из важных проблем как у исследователей, занимающихся вопросами государственных институтов, так и у историков культуры. Являясь одним из необходимых, существенных признаков государства, идеология находится на стыке политической и духовной жизни общества. Она освящает власть и придает ей особую значимость и глубинный смысл существования и функционирования в глазах подданных¹. В связи с этим всесторонний анализ проблем идеологии способствует углублению и расширению научных знаний об особенностях развития государственности. Изучение официальных идей, послуживших основой создания теории российского самодержавия, является важным звеном для постижения процесса становления общественного сознания и позволяет глубже понять специфические черты позднесредневекового отношения к государственной власти, персонифицированной в монархе. Решение данного вопроса приобретает особую значимость еще и потому, что в эпоху Московской Руси сложилось то восприятие царской власти, которое продолжало сохраняться в народном сознании в течение длительного времени. В советской историографии эти представления определялись как «наивный монархизм» или «царистские иллюзии», а в современной исторической науке часто объединяются понятием «миф о власти»². В немалой степени формированию представлений о царской власти способствовали идеологические ориентиры, выдвигаемые и поддерживаемые государством.

В исторической литературе было отмечено, что основы средневековых концепций о власти передавались из столетия в столетие, от одного автора к другому, создавая тем самым иллюзию неизменности идеологии³. Данное обстоятельство повлияло на то, что при изучении идеологии Московской Руси, исследователи традиционно обращались ко времени становления централи-

¹Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.И. Государственная идеология и язык закона. СПб., 2001. С. 115 – 116.

²Левандовский А. Оружие мифа. Миф как средство легитимации власти в России // Свободная мысль – XXI. 2001. № 2. С. 102 – 103.

³Чичуров И.С. Политическая идеология средневековья. Византия и Русь. М., 1991. С. 5.

зованного государства, когда происходило зарождение и формирование основ целостной идеологической системы. Значительно слабее изучены вопросы идеологического обоснования царской власти в Смуту и период укрепления власти первых Романовых.

Объектом исследования являются средневековые представления о государственной власти, олицетворением которой первоначально был великий князь московский, а впоследствии царь.

Предметом исследования стали идеологические установки и мероприятия великокняжеской и царской власти, направленные на собственную легитимацию, укрепление авторитета внутри страны и поддержание международного престижа.

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца XV до середины XVII вв., то есть со времени завершающего этапа складывания единого Русского государства и до начала формирования предпосылок становления абсолютной монархии в период царствования Алексея Михайловича. Применительно к данному периоду целесообразно использовать утвердившийся в исторических исследованиях термин «Московская Русь», разумеется, с учетом того, что временные границы этого понятия шире, чем представленные в работе.

Степень изученности проблемы. Различные подходы к оценке идеологии Московского царства в отечественной и зарубежной историографии рассматриваются в главе I диссертации. Необходимо подчеркнуть, что в настоящее время отсутствуют комплексные исследования, посвященные выявлению основных тенденций идеологического обоснования великокняжеской и царской власти, в указанных хронологических рамках.

Целью настоящего исследования является анализ процессов идеологического обоснования великокняжеской и царской власти в конце XV – середине XVII в.

Для достижения поставленной цели определены следующие **задачи**:

– проанализировать истоки, особенности и пути зарождения и развития идей, ставших составной частью государственной идеологии периода завершения объединения русских земель и создания централизованного государства.

– выявить формы и методы идеологического обоснования царской власти в Смутное время, а также рассмотреть преломление официальных концепций царской власти в памятниках публицистики первой трети XVII в.

– определить новые тенденции идеологического обоснования царствования первых Романовых.

Источниковая база по истории идеологии Русского государства конца XV – середины XVII вв. достаточно обширна. При изучении идеологического обоснования великокняжеской и царской власти первостепенное значение приобретают источники официального происхождения, прежде всего законодательные акты (царские указы, соборные приговоры, утвержденные грамоты), использование которых обуславливается тесным переплетением правовой и идеологической регуляции жизни общества.

Одним из основных видов источников является актовый материал, представленный царскими грамотами и грамотами, исходившими от имени церковных иерархов и бояр. Грамоты были призваны не только донести до адресата определенную информацию о событиях, но и сформировать представление о них в необходимом власти русле. Данная группа памятников приобретает особое значение при анализе особенностей идеологического обоснования царской власти в Смутное время. Дополнительные сведения по данной проблеме содержатся в крестоцеловальных записях на верность государям, в духовных и договорных грамотах представителей правящей элиты.

В чинах венчания на царство отразились принятые на самом высоком уровне представления об основах российской государственности, власти русских самодержцев, их правах и обязанностях по отношению к подданным. В настоящее время известны чины всех коронованных государей конца XV –

XVII вв. за исключением Лжедмитрия I, чин венчания которого не сохранился.

Посольские книги дают представление не только о внешней политике Русского государства, но и о политической идеологии эпохи. В посольской книге, зафиксировавшей отношения с Великим княжеством Литовским за 1533 – 1560 гг., нашла отражение борьба за утверждение царского титула Ивана Грозного. Аналогичный аспект деятельности русской дипломатии был представлен в греческой посольской книге.

Не менее важными для раскрытия сущностных аспектов проблемы оказываются нарративные источники, среди которых можно выделить летописи, хронографы, публицистические сочинения и литературные произведения. Для восстановления различных аспектов идеологии были использованы известия Московского летописного свода конца XV в., Софийской II, Типографской, Новгородской IV, Никоновской, Воскресенской летописей, «Летописца начала царства», Царственной книги, Степенной книги царского родословия. Дополнительные материалы были почерпнуты из Псковской I и III летописей, хроник Великого княжества Литовского. Для характеристики идеологии XVII в. большое значение имеют Новый летописец, а также Пискаревский, Московский, Бельский и Мазуринский летописцы.

Ценный материал по идеологии содержится в публицистических и литературных сочинениях (сказаниях, повестях, похвальных словах, послания государей, церковных иерархов). В рамках данной категории источников можно выделить цикл произведений, объединенных общим названием «Сказание о князьях владимирских». Произведения, рассказывающие о времени правления Василия III, позволяют более точно определить роль идеи о династической преемственности в идеологии начального периода становления Русского централизованного государства. Среди исторических сочинений XVI – XVII вв. особое место занимает «Казанская история». Крупный пласт источников составляют повести и сказания первой трети XVII в., абсолютное большинство из которых посвящено интерпретации событий Смуты. Боль-

шое значение для раскрытия темы имеют панегирические оды, адресованные монарху и являющиеся необходимым звеном дворцовых церемоний середины – второй половины XVII в.

В особую группу источников следует отнести сообщения современников-иностранцев о России конца XV – XVII вв., которым принадлежал значительный объем сведений о посольском этикете, обрядах, титулатуре и характере власти русских государей.

В качестве вспомогательных источников в данной работе были использованы памятники зодчества и изобразительного искусства. В условиях, когда процент образованных людей, знакомых с высокой книжной культурой, был низким, государственная власть для утверждения определенных взглядов и оценок широко применяла произведения искусства, которые в наглядной и доступной форме доводили до масс населения идеи, принятые в узком кругу церковных и светских верхов русского общества.

Комплексное использование имеющихся источников позволяет выявить процесс зарождения и развития идей, детально обрисовать мероприятия центральной власти, направленные на обеспечение ее легитимности, определить изменения, которые претерпевали идеологические концепции в источниках разного происхождения и сферы использования, проанализировать особенности преломления идеологии в общественном сознании.

Методологической основой исследования послужили принципы историзма и объективности, которые позволяют рассматривать идеологию Русского государства с учетом конкретно-исторических условий ее возникновения и функционирования. В работе, наряду с совокупностью общенаучных методов (системный анализ, синтез, дедукция), использовались и специально-научные (историко-генетический, сравнительно-исторический, историко-системный) методы исследования.

Научная новизна данного исследования определяется тем, что в работе проанализированы особенности эволюции идеологического обоснования великокняжеской и царской власти в конце XV – XVII в.; выявлены домини-

нанты московской средневековой концепции власти, ее постоянные составляющие и новые черты, вызванные изменениями в социально-политическом устройстве и общественном сознании. Показано тесное переплетение и взаимодействие различных аспектов идеологии, формирующих целостное представление об истоках, функциях и назначении власти государя.

Научная и практическая значимость работы. Полученный в результате исследования материал может быть использован при разработке общих лекционных курсов по социально-политической истории Руси XV – XVII вв., по истории русской культуры, а также при написании учебных и методических работ. Выводы диссертации задействованы при чтении спецкурса «История общественного сознания Московской Руси».

Апробация работы. Содержание диссертации обсуждалось на заседании кафедры дореволюционной отечественной истории ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет». По теме диссертации были прочитаны и обсуждены доклады на научных конференциях: VI Российская университетско-академическая научно-практическая конференция (Ижевск, 2003); VII научно-практическая конференция преподавателей и сотрудников УдГУ, посвященная 245-летию г. Ижевска (Ижевск, 2005), Всероссийская научно-практическая конференция «Общественно-политическая мысль России: традиции и новации» (Ижевск, 2006). Основные положения и выводы диссертации нашли отражение в публикациях автора.

Структура работы обусловлена решением поставленных задач. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

Основное содержание работы

Во **введении** обосновывается актуальность темы и ее научная новизна, определяется объект и предмет исследования, указываются хронологические рамки, сформулированы цель и задачи работы, охарактеризована источниковая база и методология диссертационного исследования.

Первая глава – «Проблема государственной идеологии Московской Руси в историографии» – посвящена выявлению существующих тенденций в отечественной и зарубежной историографии.

В первом параграфе рассматривается проблема идеологического обоснования великокняжеской и царской власти в историографии XIX – начала XX в. История идеологии Московской Руси довольно поздно становится самостоятельным объектом исследования. Главное внимание дореволюционных исследователей было сосредоточено на решении вопроса о степени воздействия Византии и византийских литературных и политических традиций на оформление идеологии российского самодержавия. Одни историки (Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, В.С. Иконников, Е.В. Барсов, М.А. Дьяконов) абсолютизировали роль византийского наследия в развитии русских политических концепций и придворного церемониала. Другая группа исследователей (В.О. Ключевский, Н.Ф. Каптерев, В.И. Савва, В.Е. Вальденберг) подходила к решению данного вопроса более взвешенно, указывая на то, что московские идеологи обращались к византийскому наследию в поисках тех теорий, которые подходили складывающейся концепции Московского царства. В дореволюционных работах была также высказана точка зрения, согласно которой импульс для идеологического обоснования великокняжеской и царской власти в России был дан южнославянскими книжниками (И.Н. Жданов, П.Н. Милюков).

Во второй половине XIX – начале XX в. изучению отдельных взглядов древнерусских книжников в немалой степени способствовала начавшаяся публикация их сочинений. В исследованиях И. Хрущева, В.И. Жмакина, В.Н. Малинина была представлена оценка деятельности иосифлян и политических теорий, вышедших из их среды. Значительное количество работ было посвящено изучению церемониала и быта великокняжеского и царского двора, а также титулатуре русских государей (И.Е. Забелин, А.В. Горский, Х.М. Лопарев, Е.В. Барсов, В.И. Савва).

В связи с подготовкой к празднованию 300-летия дома Романовых появился целый ряд юбилейных работ, в которых рассматривалась проблема воцарения новой династии. В них историки (С.Ф. Платонов, П.Г. Васенко, А.Е. Пресняков, Е.Ф. Тураева-Церетели, Е.Д. Сташевский, А.И. Яковлев) единодушно отмечали, что после Смуты стала отчетливее, чем ранее, звучать идея о государе как выразителе «народного единства», а Русское государство постепенно перестало рассматриваться как вотчинное владение государева рода.

Второй параграф посвящен проблеме идеологии Московской Руси в советской исторической науке. В первые годы советской власти изучение идеологии российского самодержавия в основном осуществлялось в русле ранее предложенных сюжетов и направлений. В основном переиздавались дореволюционные исследования, в которых затрагивались проблемы идеологии и общественной мысли, публиковались рецензии на них, а также дополнения и уточнения к ним (С.Ф. Платонов, Р.Ю. Виппер, В.Е. Вальденберг, Е.Н. Кушева).

Всплеск интереса к проблеме наблюдается во второй половине 1940-х гг. Его следует связывать с новой историографической ситуацией, сложившейся в годы Великой Отечественной войны, вызвавшей рост патриотического сознания в обществе. Предметом исследования Д.С. Лихачева стала идея киевского наследия в политической практике Русского государства. Из работ этого времени следует также выделить работу Н.С. Чаева о теории «Москва – третий Рим» и И.У. Будовница о публицистике XVI в.

Однако всестороннее изучение идеологии Московской Руси началось в следующее десятилетие, когда появился ряд исследований, объединенных общей методологической базой, использованием широкого круга источников, признанием тесной взаимосвязи общественно-политической мысли с процессами социально-политического развития страны. Большой вклад в изучение официальной идеологии XVI в. внесла Р.П. Дмитриева, проследившая становление и развитие идей «Сказания о князьях владимирских» – важ-

нейшего идеологического памятника эпохи создания Русского централизованного государства. Ее исследования положили начало дискуссии (1950 – 1970-е гг.) о времени создания, авторстве и последовательности редакций «Сказания», в которой приняли участие Я.С. Лурье, А.А. Зимин, А.Л. Гольдберг, А.Л. Хорошкевич. В рамках дискуссии рассматривались родословные легенды литовских князей, отраженные в русских генеалогических источниках (М.Е. Бычкова, Б.Н. Флоря), отмечалось взаимодействие цикла повестей и сказаний о Вавилонском царстве и «Сказания о князьях владимирских» (Н.К. Гудзия, М.О. Скрипль).

Другой круг проблем касался изучения теории «Москва – третий Рим», прозвучавшей в ряде сочинений старца Филофея. В советской исторической науке доминировала мысль о церковном характере теории и ее незначительном влиянии на государственную идеологию. С обоснованием такой точки зрения выступили Н.Н. Масленникова, Р.П. Дмитриева и А.Л. Гольдберг.

В 1950 – начале 1960-х гг. вышли обобщающие монографии, посвященные анализу направлений религиозно-политической мысли XV – XVI вв. В работе «Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI в.» Я.С. Лурье выделил этапы становления идеологии складывающегося Русского государства и отметил ее наиболее существенные особенности. Политическая идеология периода правления Ивана IV была рассмотрена А.А. Зиминим в монографии «И.С. Пересветов и его современники».

В 1970–1980-е гг., вслед за завершением дискуссии об абсолютизме в России, были написаны работы по истории публицистики середины – второй половины XVII в. (А.С. Елеонская, А.С. Демин, А.Н. Робинсон, Л.Н. Пушкарев). Характерной чертой исследований по государственной идеологии раннего абсолютизма стало то, что они велись в большинстве своем силами филологов. Это обстоятельство обусловило пристальное внимание ученых к проблеме поэзии русского барокко. В коллективных монографиях, посвященных старопечатным изданиям XVII в., подчеркивалась их политическая

функция, нацеленная на формирование общественного мнения в общегосударственных масштабах и призванная укрепить династию Романовых.

К 1980-м гг. активное изучение идеологии Московской Руси в советской исторической науке поставило исследователей перед необходимостью поиска новых источников (А.С. Мельникова, И.В. Поздеева) и методологических подходов. Новый импульс в изучении идеологии был дан московско-тартуской школой семиотики (Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский, В.М. Живов). В работах ученых этого направления были рассмотрены особенности средневекового понимания царской власти, выявлены этапы сакрализации монарха в России, поставлена проблема влияния Византии и Востока на русскую культуру и государственность.

В 80-е гг. XX в. вновь усилилось внимание к идее единства русских земель. В это время был поднят вопрос о роли древнерусского наследия в идеологии Московской Руси (В.Т. Пашуто, А.Л. Хорошкевич, Ю.Г. Алексеев).

В советской исторической науке была проделана большая источниковедческая работа. В целом, исследования велись с позиции «борьбы идей» и «идеологических систем», разработка проблемы шла по пути выявления направлений общественно-политической мысли по вопросу о характере великокняжеской и царской власти, анализировались историко-политические концепции русских книжников. В меньшей степени было уделено внимание титулатуре русских государей, неизученной оставалась обрядовая сторона проблемы.

В третьем параграфе анализируются тенденции новейшей отечественной историографии рассматриваемой проблемы. В 1990-е гг. изучение идеологии Русского государства переживает расцвет, связанный с поиском новой методологической базы, изменением проблематики и расширением хронологических рамок исследований. Особо следует отметить издание специальных сборников, посвященных различным аспектам идеологии и приуроченных

как к юбилейным датам, так и опубликованных в связи с работой семинара «От Рима к третьему Риму».

Одним из знаковых является исследование М.Б. Плюхановой, в котором она предлагает отказаться от принятого в советской историографии принципа анализа древнерусской общественно-политической мысли как стройной системы взглядов московских книжников. В связи с этим М.Б. Плюханова обращается к изучению «сюжетов и символов Московского царства». В ее работе анализируются различные аспекты перенесения царства на Русь, выявляется роль важнейших христианских культов.

Наряду с вопросом о роли Византии и византийского наследия в идеологии и ментальности Московской Руси (Ю.Г. Алексеев, Ю.А. Сорокин) обсуждается проблема влияния восточной традиции на русскую политическую культуру (А.А. Горский, В.В. Долгов). Предложены новые подходы к оценке концепции «Москва – третий Рим» и к идеям, прозвучавшим в «Сказании о князьях владимирских» (А.Н. Сахаров, Б.А. Успенский, В.П. Гребенюк, А.М. Ранчин, Н.В. Сеницына).

Большое значение приобретает междисциплинарный подход. Проведенный исследователями анализ отдельных памятников искусства и их сопоставление с данными письменных памятников показывает единство культурно-идеологической линии, заложенной при создании Русского государства (В.В. Морозов, А.В. Чернецов, А.Л. Баталов, И.Л. Бусева-Давыдова, Н.В. Рамзанова, М.П. Кудрявцев и др.).

В настоящее время можно отметить возрождение интереса к проблеме воззрений Ивана IV и роли его переписки с Андреем Курбским в официальной идеологии Русского государства (Р.Г. Скрынников, А.В. Калугин, А.И. Филлюшкин, А.Л. Каравашкин). Однако, несмотря на значительное количество появившихся в последнее время исследований, вопрос о значении полемики между Иваном IV и Андреем Курбским в общественной мысли еще далек от окончательного решения.

Специфика идеологического обоснования власти первых Романовых нашла отражение как в работах филологов (В.П. Гребенюк, А.С. Елеонская, А.И. Сазонова), так и историков (И.В. Поздеева, В.Г. Вовина-Лебедева, Л.Н. Пушкарев). Важное место занимает вопрос взаимодействия идеологии и общественного сознания в XVII в. (П.В. Лукин)

В 1990-е гг. наблюдается рост интереса исследователей к обрядам московских государей. Наряду с изучением чинов венчания на царство Ивана Грозного (Я.Н. Щапов), Алексея Михайловича (Л.Е. Морозова) анализируется весь комплекс данного вида источников, и на этом основании выявляются общие черты обряда (М.Е. Бычкова, Б.А. Успенский, А.П. Богданов).

С достаточной степенью условности можно выделить два направления изучения титулов русских монархов второй половины XV – XVII вв. С одной стороны, исследователями рассматривается семантический аспект проблемы (Я.Н. Щапов, Б.А. Успенский, А.А. Горский). Целью другого направления исследований стало комплексное изучение эволюции титулатуры в контексте политических и идеологических мероприятий русского правительства. Результаты подобного рода исследований представлены в работах А.Л. Хорошкевич и А.В. Лаушкина. В целом, использование обоих подходов является наиболее продуктивным для изучения данной проблемы, что продемонстрировано в монографии А.В. Лаврентьева на примере титулатур Лжедмитрия I.

Общие тенденции развития духовной культуры русского общества и мировоззренческие особенности древнерусских книжников анализируются в двух обобщающих работах, опубликованных в 1990-е гг. Первая из них – вышедшая посмертно книга А.И. Клибанова «Духовная культура средневековой Руси» – была итогом многолетних изысканий ученого в области истории русской средневековой мысли. Другая – монография А.Л. Юрганова, в которой рассмотрены такие базовые, с точки зрения историка, категории русской средневековой культуры, как «правда» и «вера», «власть» и «собственность», «время» и «пространство».

Четвертый параграф раскрывает основные тенденции изучения государственной идеологии Московской Руси в зарубежной историографии. Период наиболее активных поисков западноевропейских и американских ученых в области изучения идеологии Московской Руси начался несколько ранее, чем в советской исторической науке, и пришелся на 30 – 50-е гг. XX в. Особое место в комплексе рассматриваемых проблем занимала оценка литературного наследия старца Филофея и сформулированной им теории «Москва – третий Рим». Наряду с историческими трудами, где преобладала собственно исследовательская проблематика (Д. Стремухов, Н. Андреев, Н. Ульянов), в западной историографии и публицистике 1950-х гг. появилось немало политизированных работ, в которых концепция Филофея рассматривалась в качестве «империалистической» доктрины притязаний Русского государства на мировое господство.

Проблема влияния византийского наследия на становление идеологии Московской Руси была рассмотрена в трудах И. Шевченко, Д. Оболенского и М. Чернявского. В монографии М. Чернявского «Царь и народ: историческое исследование национального и социального мифов», ставшей одной из самых значительных исследований в рамках изучения данной темы, были отмечены особенности российских национальных мифологем о власти в их историческом развитии, начиная с эпохи Киевской Руси и заканчивая периодом правления последних Романовых.

В 60 – 80-х гг. XX появились исследования, посвященные отдельным сюжетам идеологии Московской Руси. В статьях В. Водова на летописном материале были проанализированы случаи применения к русским князьям титула «царь». Г. Алеф обозначил факторы международной обстановки конца XV в., повлиявшие на использование имперской атрибутики в период правления Ивана III.

Большое внимание в зарубежной историографии отводилось изучению особенностей становления Русского многонационального государства и формированию национального самосознания в XVI – XVII вв. Преобладающим

стал подход, по которому процесс включения нерусских территорий и народностей на них проживающих рассматривался в контексте реализации на практике имперской идеологии Москвы (Я. Пеленский, А. Каппелер). Иной подход в новейшей историографии представлен в работах американского историка П. Бушковича, который отметил, что «имперское чувство» было не причиной, а следствием внешнеполитических успехов России.

Вопрос переосмысления ряда политических теорий XVI в. в Смутное время рассматривается в новейших исследованиях Д. Роуланда и М. Свободы. Анализ идеологии Московского царства, ее отражение в памятниках искусства и проявление в дворцовых церемониях содержится в статьях крупных американских русистов М. Флайера и Р. Крамми.

В 1980-х гг. в зарубежной историографии была поставлена проблема политической культуры, особенностей государственного строя и социальной структуры московского общества. В этой связи идеология самодержавной власти XVI – XVII вв. рассматривалась как специфическая форма поддержания социальной стабильности политической системы, нацеленная на предотвращение противоречий в боярской среде (Э. Кинан, Н. Колман, В. Кивелсон).

Проведенный нами анализ позволяет утверждать, что, несмотря на значительное количество работ, посвященных данной проблеме, история идеологического обоснования великокняжеской и царской власти конца XV – XVII вв. изучена неравномерно как в хронологическом, так и проблемном плане. Недостаточно исследованным остается вопрос взаимодействия различных аспектов идеологии, не выяснена эволюция во взглядах московских идеологов на каждом из этапов политической трансформации Российского государства.

Вторая глава – «Идеологическое обоснование великокняжеской и царской власти в период завершения объединения русских земель и создания централизованного государства» – посвящена анализу становления и оформления идеологии Русского государства конца XV – XVI вв.

В первом параграфе рассматривается идея преемственности власти и династические легенды конца XV – XVI вв. Мысль об «отчинности» и «старине» как неотъемлемом праве московского государя, ведущем свое происхождение от великих киевских и владимирских князей, на объединение всех русских земель была тесно связана с процессом создания единого Русского государства и утверждения его на международной арене. Благодаря этой мысли декларировалась независимость власти великого князя и определялись его прерогативы в государственном управлении. Поставление на великое княжение Дмитрия-внука в 1498 г. отразило узловые моменты в концепции власти великих князей, переосмыслив и освятив религиозной санкцией сложившуюся систему наследования престола.

В 10-20-е гг. XVI в. доминировавшая прежде теория варяжского происхождения русский князей начала отступать на второй план перед комплексом идей, изложенных в «Сказании о князьях владимирских». Апелляция к легенде об Августе-кесаре и дарах Константина Мономаха была нацелена на возвеличивание всего рода русских князей. Одновременно развивалась другая тенденция, которая имела своей основной задачей утверждение «вертикального» принципа наследования престола, от которого в представлении идеологов напрямую зависела стабильность Русского государства. В период правления Василия III вопрос о престолонаследии приобрел особую остроту. Появлению на свет Ивана IV уже с самого начала придавался характер события, освященного помощью небесных сил. Это свидетельствует о ритуализации частной жизни великокняжеской семьи, а также о стремлении освятить сам факт появления наследника престола, младенца избранного рода.

В период правления Ивана IV указанные тенденции получили дальнейшее развитие. Национально-государственный подъем середины XVI в., связанный с оформлением Русского централизованного государства и крупными внешнеполитическими успехами, сопровождался расцветом политических теорий, ядро которых составляла мысль о богоизбранной династии русских царей. Именно идея исключительности древнего рода Рюриковичей, ко-

торая рассматривалась на страницах многочисленных посланий Ивана IV, давала ему огромные полномочия для «самовластного и самодержавного» правления. Родиться, быть воспитанным «во царствии», получить благословение от прародителей и воцариться по божественному волеизъявлению – вот те принципы, определившие не только политическое сознание Ивана IV, но шире – всего российского общества.

Второй параграф посвящен формированию образа крестоносной власти и теме религиозно-воинского подвига в системе идеологических мероприятий XVI в. В русской книжности конца XV – первой половины XVI в. была сформулирована идея о том, что одна из главных функций царской власти заключалась в защите веры и охране чистоты православия. В XVI в., когда Россия вышла на путь широких завоеваний, эта идея стала составной частью политической идеологии Московской Руси. В таком ключе излагался летописный рассказ о присоединении Смоленска в 1514 г.

Однако было бы неверно ограничить идеологическое обоснование внешней политики времени создания Русского централизованного государства только религиозной символикой. В политической мысли было выработано несколько идей, выявить которые представляется возможным на примере крупнейших внешнеполитических акций периода правления Ивана IV – присоединения государств Поволжья и Ливонской войны, в особенности Полоцкого похода 1563 г. Во-первых, важную роль играли патримониально-генеалогические аргументы, выраженные в обширных ссылках на принадлежность территорий первым князьям из рода Рюриковичей. Во-вторых, в идеологическом обосновании походов учитывались политические обстоятельства, им предшествовавшие, и декларировалась московская позиция по поводу нарушения противной стороной ранее достигнутых договоренностей. В-третьих, наиболее масштабным военным мероприятиям придавался характер общерусской борьбы, выраженный формуле «дело государственное и земское». И, наконец, ссылки на Божественное покровительство русскому войску венчали все вышеперечисленные компоненты идейного обоснования

царских походов, придавали им характер значимого мероприятия, имеющего сакральную силу, призванного упрочить власть православного государя и утвердить его царственную мощь. Стоит заметить, что исключительно мощное религиозное звучание войны Ивана IV получили не сразу. Идеология крестовых походов православного царя против всех отпавших от истинной веры формировалась постепенно при поддержке русской церкви и митрополита Макария. Первоначально главенствовавшая идея защиты угнетенных христиан трансформировалась в мысль об очистительной миссии православного царя. Одновременно создавался культ «воинов Христовых», готовых пролить кровь за веру, первым среди которых был сам царь.

В третьем параграфе на примере культа Михаила Черниговского исследуется процесс формирования представлений о религиозно-воинском подвиге князей, заступников русской земли. Пристальное внимание к культу Михаила Черниговского в XVI в. было обусловлено несколькими моментами. Почитание святых князей соответствовало концепции божественного происхождения власти рода Рюриковичей и святости отдельных его представителей. Пробуждению интереса к святому способствовали мероприятия церковно-государственного характера, проводимые митрополитом Макарием. Мощный импульс для развития культа Михаила Черниговского дали внешнеполитические процессы, связанные с присоединением Поволжья и актуализацией темы борьбы с татарами в русской книжности. Включение идеи о божественном покровительстве русскому войску в борьбе за веру против «нечестивых царей» в идеологическое обоснование войн середины XVI в. повлияло на развитие культа князей, воинов Христовых. По представлениям того времени святые князья не только покровительствовали русскому царю в битвах, но и сами участвовали в них. Именно поэтому в отличие от более ранних рассказов, где Михаил Черниговский представал мучеником за веру, в «Слове похвальном» Льва Филолога он превратился в воина за церковь и отечество.

В четвертом параграфе раскрывается сущность понятия «царство» и рассматриваются этапы становления царского титула на Руси и в системе международных отношений конца XV – XVI вв. История терминов «царь» и «царство» позволяет сосредоточиться на их рассмотрении в нескольких взаимосвязанных ракурсах: во-первых, с точки зрения источников происхождения царства; во-вторых, с позиции утверждения царского титула на международной арене; в-третьих, в связи с функциями и назначением царской власти.

В истории утверждения царского титула русских государей в конце XV – XVI вв. было выделено три этапа. Первый из них продолжался до начала 10-х гг. XVI в. На этом этапе русские книжники, именуя великого князя «царем», стремились придать ему царское достоинство. В этот период наблюдалось также использование царского титула в международных отношениях, по преимуществу с властями прибалтийских государств. Завуалированные претензии на более высокий титул, чем великокняжеский, присутствовали в дипломатической инструкции Юрию Траханиоту 1489 г.

В качестве хронологических рамок второго этапа следует выделить 10 – конец 40-х гг. XVI в., когда шел процесс становления представлений об источниках и сущности царской власти, наблюдалась психологическая подготовка для оформления «концепции царства». Среди внешнеполитических причин распространения царского титула следует выделить нереализованную на практике попытку утверждения в 1514 г. императорского титула Василия III. Не в меньшей степени на этот процесс повлияло новое самосознание, сложившееся после объединения земель и приобретения независимости, которое вызвало стремление утвердить Русское государство и его главу в более высоком качестве.

Третий кульминационный этап в оформлении концепции русского царства (1550 – 1560-е гг.) связывается с утверждением царского титула на международной арене. Правительство Ивана IV подводило итог многолетним исканиям русских книжников и дипломатов, придавало законченную форму

уже бытовавшим идеям. Процесс включения в дипломатические документы аргументов, призванных обосновать права Ивана IV на царский титул, был постепенным. В дипломатической практике с христианскими государствами предпочтение отдавалось идее византийского наследия, озвученной в «Сказании о князьях владимирских». Важное место занимала отсылка ко временам Владимира Святого, которая была обусловлена представлениями о Русском царстве как последнем уцелевшем оплоте православной веры. Царский титул являлся также выражением независящего от воли людей небесного предначертания, проявлением божественной благосклонности к русским государям. Апелляция к внешнему источнику царской власти была призвана подытожить все имеющиеся аргументы и привлечь неоспоримое доказательство правомерности Ивана IV быть царем. В массовом сознании населения Московской Руси, напротив, присутствовало убеждение, что только после завоевания Казани Иван IV стал легитимным царем.

Третья глава исследования – «Проблема легитимности царской власти в государственной идеологии и публицистике Смутного времени» – посвящена вопросам идеологического обоснования царской власти в условиях социально-политического кризиса, наступившего после пресечения династии Рюриковичей.

В первом параграфе анализируются особенности избирательной кампании 1598 г. и рассматриваются вопросы, связанные с обоснованием прав Бориса Годунова на престол. Избирательная кампания Бориса Годунова показала его ориентацию на широкие массы населения страны. Наиболее важные идеи по обоснованию прав Бориса Годунова на престол к середине весны 1598 г. были объединены в целостную концепцию Утвержденной грамоты. Во-первых, как следовало из документа, Годунов получил благословение царей прежней династии. Во-вторых, его претензии на царство обосновывались успешной внутривнутриполитической и дипломатической деятельностью в годы правления Федора Ивановича. В-третьих, большое внимание уделялось присутствию «всей земли» на земском соборе и, главное, божественному предо-

пределению в деле избрания царя. Согласно логике Утвержденной грамоты народ явился выразителем божественной воли и желания почивших царей видеть на престоле Бориса Годунова.

Годунов был не только первым избранным русским царем, он еще являлся первым государем, венчанным на царство патриархом. Таким образом, модель русского царства, выстраиваемого правителями династии Рюриковичей по византийскому образцу, получила окончательное оформление. Однако основная слабость этой модели заключалась в том, что ее оформление было ознаменовано прекращением богоизбранной, и следовательно, законной династии. В условиях угасания прежнего принципа наследования власти только Божественная санкция могла утвердить Годунова на престоле и уравнивать его в правах на царский титул с предшественниками. Присутствие идеи о Божественной воле в поставлении Годунова на царство во всех памятниках письменности и искусства периода его правления позволяет предположить, что она являлась одной из важнейших для идеологов. Однако именно мысль о божественном предопределении в деле избрания царя, как и сакральный характер его власти оказались наименее устойчивыми к перипетиям Смутного времени. Причины этого следует искать в ряде факторов, среди которых важную роль сыграло низкое происхождение Годунова. Характерной чертой средневекового сознания являлось восприятие человека посредством его соотношения с той или иной социальной группой, выполнявшей свои функции. Будучи боярином, Борис Федорович «правильно» выполнял возложенные на него по статусу обязанности, однако, став царем, он разрушил установленный Богом уклад. Кроме того, трудности социально-экономического порядка, прежде всего голод 1601 – 1603 гг., подорвали веру населения страны в то, что Борис Годунов действительно являлся божественным избранником. Появление самозванца, начавшаяся ожесточенная борьба за престол, и дискредитация политики Годунова, осуществлявшаяся уже после его смерти политическими противниками, привели к тому, что на страницах публицистиче-

ских сочинений Годунов представал властолюбцем, убившим царевича Дмитрия, рабом, посягнувшим на царский титул.

Второй параграф посвящен проблеме самозванчества и идеологическому обеспечению власти Лжедмитрия I. Идея наследственных прав династии Рюриковичей на трон, находившаяся в основе фундамента русской средневековой идеологии, несла в себе серьезную опасность в случае нарушения династической преемственности, поскольку терялся главный критерий «истинности» царя – его принадлежность к роду московских государей. Отсюда в годы Смуты наблюдалось устойчивое стремление вернуть прежний порядок престолонаследия, что стало мощным стимулом для развития самозванчества.

По легенде Лжедмитрий I, будучи сыном Ивана Грозного, являлся «прирожденным» богоустановленным государем, которому приписывалась спасительная миссия, и этот факт обеспечивал ему полную легитимность прихода к власти. В грамотах Лжедмитрия I, рассылаемых с целью агитации с осени 1604 г., отразились традиционные представления о роли и функциях царя в русском обществе (милость к подданным, их жалование в соответствии с традиционной иерархией «чинов», идея патерналистской заботы монарха о народе, освященное божественной санкцией право суда и наказания виновных). В начальный период пребывания в Московском государстве самозванец старался строго следовать предписанным устоям «правильного» царского поведения, что впоследствии в какой-то степени послужило своеобразным оправданием для всех тех, кто признал в Лжедмитрии I царя.

Нарушение канонов стало проявляться с момента церемонии венчания Лжедмитрия I на царство. Венчание самозванца императорской короной обнаружило претензии самозванца на «цесарский» титул и стало первым шагом на пути «примерки» новой титулатуры. Однако ориентируясь на Запад и ставя перед собой конкретные цели по внедрению в политическую практику императорского титула, Лжедмитрий I по-прежнему не забывал подчеркнуть свое происхождение и преемственность власти от последних Рюриковичей. Императорский титул Лжедмитрия I был многоплановым и нес в себе широ-

кий спектр политических претензий самозванца, включая подготовку к войне с Крымским ханством, но в нем не учитывались общепринятые представления о титулатуре русского государя. Изменив титулатуру, Лжедмитрий I затронул крайне болезненную сферу конфессиональной, и в целом культурной ориентации русского общества. Приезд поляков на свадебные торжества и проведение самой свадебной церемонии с нарушением обычаев только усугубил и без того сложное положение самозванца, что в итоге, предопределило его гибель.

В третьем параграфе рассматриваются религиозно-политические акции периода правления Василия Шуйского. Сразу после свержения Лжедмитрия I начался первый этап организованной новым царем идеологической кампании, продолжавшейся в течении конца весны – лета 1606 г., основной смысл которой был направлен на предотвращение распространения самозванчества и укрепление власти Василия Шуйского. В краткие сроки был написан целый комплекс грамот и литературных сочинений, имевших острую публицистическую направленность. Их особенностью являлась дискредитация бывших политических противников Василия Шуйского: Бориса Годунова, Лжедмитрия I. Обвинение Бориса Годунова в убийстве царевича Дмитрия давало широкие возможности для канонизации последнего, а объяснение самозванческой интриги Лжедмитрия I оправдывало активное участие Шуйского в восстании против венчанного царя.

Новый этап литературно-идеологической кампании начался осенью 1606 г., а ее пик пришелся на период восстания под предводительством Ивана Болотникова и осады Москвы. Главная цель мероприятий состояла в укреплении русских людей на верность престолу и поднятии авторитета традиции крестоцелования. В связи с этим важное место занимала идея всеобщего покаяния, которая рассматривалась как мощное средство спасения и единения русского общества перед лицом грозящей опасности. Аналогичные идеи легли в основу наиболее крупной религиозно-политической акции, организованной В.И. Шуйским и патриархом Гермогеном в феврале 1607 г., в ходе

которой было пересмотрено отношение официальных властей к деятельности Бориса Годунова. Отсутствие твердой позиции и четкой линии поведения привели к тому, что многочисленные религиозные церемонии, проводимые Шуйским, оказали незначительное воздействие на население и не помогли ему в укреплении власти. Василию Шуйскому, как и Борису Годунову, не удалось сконструировать такую идеологическую систему, которая бы с успехом была воспринята обществом. В результате, он был вынужден не столько формировать определенные представления о царской власти, сколько приспособляться к постоянно меняющейся обстановке в стране.

В четвертом параграфе раскрываются основные идеи «Утвержденной грамоты» Михаила Романова и исследуется их отражение в общественной мысли первой трети XVII в. Составители «Утвержденной грамоты» стремились не только описать обстоятельства восшествия на престол Михаила Федоровича, но и дать официальную характеристику Смуте. В этой связи особое внимание в «исторической» части памятника было уделено деятельности Бориса Годунова и Филарета Никитича Романова.

В Утвержденной грамоте ярко проявилась антипольская направленность, в целом характерная для избирательной и посольской документации 1613 г. По официальной версии в разжигании внутренних усобиц в основном участвовали внешние силы, а сама Смута интерпретировалась в контексте длительной борьбы за сохранение национальной и конфессиональной независимости. Польская сторона признавалась виновной по самому широкому кругу вопросов, но особый акцент был сделан на обвинении поляков в незаконном захвате и содержании в плену Михаила Федоровича Романова.

Одна из основных идей Утвержденной грамоты была нацелена на доказательство династической преемственности представителей семьи Романовых и династии Рюриковичей. Генеалогическая аргументация не утратила свою значимость в результате появления целого ряда избранных и приглашенных царей, однако идея римско-византийского преемства и происхождения русских государей от Августа-кесаря оказалась менее актуальной, чем

вызванная затянувшимся династическим кризисом и потому злободневная для Смутного времени тема наследия престола по праву родства с угасшей династией.

Концепция династической преемственности была переплетена с идеей божественного промысла и всенародного избрания рода Романовых. Михаил Романов считался божественным избранником потому, что был наследником рода Рюриковичей. Кроме того, был учтен опыт Бориса Годунова, который сделал преимущественный акцент на божественном происхождении своей власти. Божественное избрание Михаила Романова наиболее ярко было продемонстрировано в пронизанном политической символикой обряде «умоления» на царство, представлявшем собой коллективное прошение «всей земли» согласия претендента стать царем.

Методы и идеи, которыми пользовались сторонники Романова, принципиально не отличались от арсенала средств избирательной документации Бориса Годунова и Василия Шуйского. Однако идеи, озвученные в идеологических памятниках завершающего этапа Смуты, со всей полнотой были восприняты современниками, о чем свидетельствуют многочисленные сочинения первой трети XVII в.

Четвертая глава – «Идеологическое обоснование царской власти в период правления первых представителей династии Романовых» – раскрывает основные тенденции государственной идеологии XVII в.

В первом параграфе анализируются черты концепции богоизбранного царства, представленной в идеологии конца 10 – 30-х гг. XVII в. Ее создание было обусловлено ростом национального самосознания, наметившегося в завершающий период Смуты, поиском форм идеологии, призванных возродить нравственные устои общества, в расшатывании которых виделся главный корень бедствий рубежа XVI – XVII вв., и утвердить идею божьей милости к русскому народу.

Отличительной чертой этой концепции стало скрупулезное внимание к деталям, которые могли указать на настоящее и грядущее процветание спа-

сенной державы. Отправной точкой в создании образа было избрание и венчание на царство Михаила Романова. Следующим звеном концепции можно считать возвращение из польского плена отца Михаила Романова – Филарета и избрание его на патриарший престол. В глазах идеологов новой власти и населения страны это событие рассматривалось как восстановление православного «царства» и утверждение династии Романовых. В официальных источниках, повествовавших об избрании Филарета на патриаршество, проводилась идея многократного освящения царской власти: иерусалимский патриарх Феофан, присутствовавший на хиротонии, своим авторитетом укреплял духовную власть, а патриарх Филарет в свою очередь поднимал статус царской власти. Кроме того, проводились параллели между избранием Филарета и поставлением на царство его сына. Эти параллели восходили к идее божественного избранничества царя и патриарха, а также к сформировавшемуся во время Смуты мнению о воле народа как одном из источников легитимности власть предержащих. Но помимо этого вышеперечисленные примеры дают основание предполагать, что в них нашли отражение представления о статусе и роли в политической жизни Русского государства патриарха Филарета, особое положение которого было зафиксировано в титуле «великий государь». Руководство страны в лице отца Михаила Романова вырабатывало представления о необходимости консолидации сил на конфессиональной основе. Идея обновления, которая после Смуты стала одной из доминирующих, охватывала все сферы общественной жизни и сближала Филарета с ревнителями древнего благочестия.

Для того чтобы картина возрождающегося царства была законченной, требовался вещественный знак, подтверждавший его божественное избранничество. Таким знаком стала риза Христа, дарованная иранским шахом Аббасом I Михаилу Федоровичу и патриарху Филарету. Заинтересованность русской стороны в святынях определялась пониманием роли России как духовного центра всего православного мира, которое стало складываться еще в эпоху Ивана IV и укрепилось после учреждения московской патриархии. Ри-

за Христа была искомым поводом новой власти для прославления правителя, его страны, находящейся под божественным покровительством, и восстановления статуса Москвы как сакрального центра православия и священного местопребывания царей.

Во втором параграфе рассматриваются основные тенденции идеологического обоснования власти в период правления Алексея Михайловича, когда стали формироваться предпосылки становления абсолютной монархии. В период правления Алексея Михайловича произошло официальное изменение титула правителя и названия государства. Смена наименований была обусловлена особенностями политической обстановки и несла отпечаток общественного сознания. Столь актуальное для конца XV – XVI вв. понятие «всая Руси» в XVII в. стало приобретать новые очертания и, в итоге, было заменено на «всая Великия и Малыя и Белья Росии». Изменение титулатуры было вызвано начавшимися военными действиями с Речью Посполитой и на практике реализовывало политические требования московских властей, заявленные на земском соборе 1 октября 1653 г., который принял решение о вхождении Украины в состав России. Война велась под лозунгами восстановления чести государя и его семьи. В постановлении земского собора нашло отражение представление о защите испытывающих религиозные преследования единоверцев как важнейшей причине грядущей русско-польской войны. Однако выступая под лозунгами защиты православия, Алексей Михайлович не заявлял о своих претензиях на малороссийскую «отчину» своих предков.

Законодательное оформление царского титула и большой печати, в которых сконцентрировались важнейшие моменты идеологии царствования Алексея Михайловича, произошло в 1667 г. Этот год был весьма важен в истории становления раннего абсолютизма. Поднятию статуса государя способствовал ряд событий: вселенский собор конца 1666 – начала 1667 гг., осудивший патриарха Никона и обеспечивший победу светской власти, завершение войны с Речью Посполитой и подписание Андрусовского перемирия, а

также вступление в совершеннолетие царевича Алексея и представление его в качестве официального наследника престола.

В период правления Алексея Михайловича идеология Московского царства, основанная на средневековом понимании власти, пережила свой последний расцвет. В конце XVII – начале XVIII вв. на официальном уровне произошел отказ от традиционных установок политического сознания Московской Руси. Для идеологического обоснования власти русских монархов стали использоваться новые идеи, которые базировались на понятии «империя» и утверждали главу государства уже в ином статусе в соответствии политическими и культурными реалиями нового времени.

В заключении подводятся итоги исследования и формулируются наиболее важные выводы. Результатом исследования стало выделение основных этапов эволюции идеологического обоснования великокняжеской и царской власти конца XV – XVII вв., отмечена роль идеологии в укреплении власти русских монархов.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Шмыкова М.Л. Проблемы государственной идеологии Московской Руси в отечественной историографии 50-80-х годов XX в. // Вестник Удмуртского университета. Сер. История. 2003. С. 142 – 151.
2. Шмыкова М.Л. Тема религиозно-воинского подвига в системе идеологических мероприятий середины XVI в. // VI Российская университетско-академическая научно-практическая конференция: Материалы докладов. / Отв. ред. В.А. Журавлев. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2003. С. 71.
3. Шмыкова М.Л. Царский титул на Руси и в системе международных отношений в конце XV – XVI вв. // История. Международные отношения: Альманах научных работ студентов и аспирантов. / Отв. ред. В.А. Канинин. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2004. С. 60 – 68.

4. Шмыкова М.Л. Обряд «умоления» на царство в Смутное время в России // Седьмая научно-практическая конференция преподавателей и сотрудников УдГУ, посвященная 245-летию г. Ижевска: Материалы конференции. / Отв. ред. В.А. Журавлев. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2005. Ч. 1. С. 172 – 173.
5. Шмыкова М.Л. Избирательная кампания 1598 г. и обоснование прав Бориса Годунова на престол // Вестник Удмуртского университета. Сер. История. 2005. С. 136 – 145.
6. Шмыкова М.Л. Борис Годунов как представитель правящей элиты: трансформация образа правителя в официальной идеологии и публицистике Смутного времени // Элиты и цивилизационные процессы. Формирование наций. Киев: Тов. УВПК «Эксоб», 2006. Т. 1. С. 453 – 464.